

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Самарский государственный институт культуры»

МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: знание как инструмент развития

Материалы VII Международной научно-практической конференции

20-21 мая 2019 года

Самара 2019

УДК 008(1-6)+930:001.12

ББК 71.04

М 74

Печатается по решению
редакционно-издательского совета института

Под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой

М 74 «Модернизация культуры: знание как инструмент развития», междунар. науч.-практ. конф. (2019; Самара). Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. «Модернизация культуры: знание как инструмент развития», 20-21 мая 2019 г.: в 2 ч. / М-во культуры РФ, СГИК; под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. – Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2019. – Ч. I. – 371 с.

В первую часть материалов конференции вошли статьи, представляющие анализ культурологического знания в стратегиях перемен, историческое знание и память как ресурс социального развития, модернизацию культуры в культурно-историческом процессе.

Сборник рассчитан на экспертов в области гуманитарного знания, практиков, работающих в сфере культуры и искусства, аспирантов и студентов, а также всех интересующихся проблемами модернизации и трансформации культуры.

УДК 008(1-6)+930:001.12

ББК 71.04

*В оформлении обложки использована
работа Сергея Борисова «Восхождение», 2002 г.*

ISBN 978-5-88293-429-2 (ч. I)
ISBN 978-5-88293-428-5

© Оформление. СГИК, 2019

Раздел 3. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Говор Е.В.¹

Волгари-анзаки: из истории участия русской диаспоры Австралии в Первой мировой войне

Аннотация. В статье на примере уроженцев Поволжья описывается история участия россиян в Австрало-Новозеландском армейском корпусе (АНЗАК) в Первой мировой войне. Исследование основано на комплексном использовании первичных источников – документов австралийских архивов, воспоминаний, интервью с потомками, газетных публикаций. Рассматривается также роль созданного автором вебсайта «Российские анзаки», который содержит биографическую и служебную информацию о каждом военнослужащем и ссылки на оцифрованные архивные документы и другие прижизненные материалы. Такой подход представляет собой попытку продолжающегося просопографического исследования, проводимого в современных условиях массовой оцифровки первичных источников и делающую доступной лабораторию историка для широкого круга пользователей.

Ключевые слова: эмиграция уроженцев Поволжья, русская диаспора в Австралии, Австралия и Первая мировая война, анзаки, оцифровка архивных документов Австралии.

Govor E.V.

Anzacs from the Volga River: the participation of the Russian diaspora in Australia in the First World War

Abstract. The article describes the history of the participation of Russians in the Australian and New Zealand Army Corps (ANZAC) in the First World War using the example of the natives of the Volga River region. The study is based on a variety of primary sources – documents from Australian archives, memoirs, interviews with descendants, and newspaper publications. The paper also explores the role played by the author's 'Russian Anzacs' website, which contains biographical and service information about each serviceman and links to digitized archival materials and newspapers of the time. This approach is a form of ongoing prosopographic research beyond the book form, conducted in modern conditions of mass digitization of primary sources, making the historian's laboratory accessible to a wide range of users.

Keywords: Emigration of natives of the Volga River region, Russian diaspora in Australia, Australia and the First World War, Anzacs, digitization of archival documents in Australia.

У подножия холма Айнсли, в самом сердце Канберры, австралийской столицы, раскинулся комплекс Австралийского военного мемориала. Каждую ночь на его фронтоне высвечивается имя австралийского

¹ **Говор Елена Викторовна**, научный сотрудник Австралийского национального университета (PhD (History), Adjunct Research Fellow, College of Arts & Social Sciences, Australian National University, Canberra) (г. Канберра, Австралия)

солдата, павшего на фронтах Первой мировой войны. Светится оно всего полминуты и гаснет, на смену английскому имени приходит ирландское или шотландское, и так всю ночь, от заката до рассвета, в безмолвии Австралия поминает своих павших сыновей и дочерей. Но имена эти не только британские – время от времени среди них загораются и родные нам фамилии – Волков и Шуплаков, Егоров и Янин, еще один Волков и Горкун, а потом Кабатов и Ганивахов. Все они – россияне, волгари, сложившие свои головы на полях сражений в составе вооруженных сил Австралии. В отличие от тысяч других своих соотечественников, чьи следы затерялись на чужбине, память об этих восьмерых свято хранится – имя каждого из них высечено навечно на стенах мемориала, к ним австралийцы приносят красные маки, их имена поминают голоса австралийских школьников, звучащие над мемориальными панелями, ведь они – анзаки, а анзак для австралийцев – понятие святое, как для нас – ветеран.

Слово АНЗАК возникло в начале Первой мировой войны как сокращение названия Австрало-новозеландский армейский корпус, а вскоре анзаками стали называть всех военнослужащих, участников войны. Анзаки по праву заслужили всенародную любовь и уважение. Это слово появилось на страницах газет в 1915 г., когда 25 апреля австралийские войска высадились под шквальным огнем турецкой армии на гористые берега полуострова Галлиполи у пролива Дарданеллы. Целью военных стратегов было не только захватить Дарданеллы, но и оттянуть турецкие войска с кавказского фронта и, таким образом, помочь одному из главных союзников Великобритании и Австралии – России. Верховные главнокомандующие мало считались с жизнями простых солдат, тысячи которых полегли при высадке и во время последующих кровопролитных боев. Теперь даже школьники знают, что, по существу, это было поражение союзников, но в самосознании австралийцев день высадки в Галлиполи, который теперь по всей стране отмечается как День АНЗАК, занял особое место. Отсюда они ведут отсчет подлинного создания своей нации, ее единства, стойкости и братства, Галлиполи – это колыбель австралийского духа. И неудивительно, что имя каждого участника той далекой войны в Австралии не забыто.

Восемь павших анзаков-волгарей – это только вершина айсберга, всего же выходцев из России в Австралийской армии было свыше тысячи человек, а уроженцев Поволжья, о которых будет наш рассказ, тридцать. На созданной мною интерактивной карте [26] места их рождения можно найти от Рыбинска и Костромы, в верховьях реки, до Астрахани на юге. Особенно много их было из губерний в центральном течении реки – Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской. Этнически большинство из них были русскими, но были среди них и представители других народов, населяющих Поволжье, например мордвин Иван Павелкин из Турдаково под Ардатовым, татарин Абдул

Ганивахов, немец Карл Фасс, и даже иудей субботник Даниил Назаров из Заплавного под Астраханью¹.

Их путь в далекую Австралию был непростым. Незадолго до начала Первой мировой войны в Австралию хлынул поток эмигрантов из России, в то время в страну ежегодно въезжало от 700 до 1000 россиян. Обычно сначала, в результате переселенческой политики правительства Российской империи, они отправлялись в Сибирь и на Дальний Восток или ехали на заработки, например на прииски или на строительство железной дороги и, не устроившись там, были готовы попытать счастья еще раз и отправиться за океан – в Америку, на Гавайи, в Австралию. Австралийские иммиграционные агенты на Дальнем Востоке зазывали их на свои корабли и сулили золотые горы, ведь Австралия в то время славилась как «рабочее царство», где была высокая зарплата, 8-часовой рабочий день, вдоволь свободной земли, да еще к тому же вечное лето. Многие из этих переселенцев отправлялись в Австралию на заработки, надеясь через несколько лет вернуться на родину с сотней-другой фунтов, и поэтому обычно ехали без семей [20, с. 145-158]. Именно так поступили Григорий Матренин, Николай Силантьев и Михаил Волков, три друга из села Красное в Симбирской губернии (ныне это Сеченовский район Нижегородской области). Незадолго до начала войны они приехали в Австралию на заработки, оставив в Красном жен и детей. В России остались жена с дочерью и у Ивана Вагина из села Войново Владимирской губернии.

Несколько человек попали в Австралию «зайцами». Например, в 1911 г. группа русских прибыла в Западную Австралию на корабле «Пару» из Индии, они ни слова не знали по-английски и через переводчика рассказали, что служили в русской армии в Средней Азии, но обращение с солдатами было таким жестоким, что они решили сбежать. Через Афганистан они добрались до Индии, а оттуда отправились в Австралию [27]. В эту группу входило двое будущих анзаков – Федор Усов из села Шереметьево (ныне Свирино Ульяновской области) и Ефим Рогашов из соседнего села Баевка. Два года спустя также «зайцами» из Индии прибыли в Западную Австралию Андрей Егоров из Саратова и двое его земляков, Федор Мелов и Александр Стрелукин. Нередко оставались в Австралии и моряки, среди наших героев их было двое – Абдул Ганивахов из Казани и Алексей Казаков из села Старые Матаки в Татарстане; родные Казакова помнят, что прибыв в Мельбурн, он сбежал с корабля [2].

¹ Здесь и далее биографические сведения о русских иммигрантах в Австралии даны на основании документов Национального архива Австралии (пассажирских списков, натурализации, регистрации иностранного подданного, личных дел военнослужащих и т.п.). Ссылки на эти досье находятся на странице каждого анзака на сайте: <http://russiananzacs.net/>; перейдя по ссылке на сайт архива, можно получить полную сигнатуру дела и в большинстве случаев ознакомиться с оцифрованным делом.

В то время австралийские власти не требовали у новоприбывших документов и не чинили им препятствий остаться в стране, если они казались хорошими работниками. А именно такими и были наши волгари – молодые сильные парни, которые работали на строительстве железных дорог и в шахтах, на рубке сахарного тростника и на лесопилках. Денег на билет у наших эмигрантов, отправлявшихся в Австралию с Дальнего Востока, как правило, хватало только до первого большого австралийского порта. Обычно это был Брисбен, столица Квинсленда, северного тропического штата Австралии, и именно здесь большинство из иммигрантов и оседало.

Когда в августе 1914 г. началась Первая мировая война, Россия оказалась главным союзником Великобритании и Австралии. Хотя в Австралии служба в армии была добровольной, россияне, проживавшие на ее территории, в соответствии с указаниями российского консула Александра Абазы, были объявлены военнообязанными и должны были вступать в австралийскую армию. Это раскололо русскую общину, а к тому времени в Квинсленде уже был создан Союз русских эмигрантов, который издавал газету. Союз, руководимый социалистами разных направлений, с самого начала занял антивоенную позицию, заявляя, что братоубийственную войну развязали капиталисты. Тем не менее, многие русские, в том числе и политические эмигранты, вступили в вооруженные силы Австралии. Среди последних был, например, Николай Синдеев, машинист, уроженец Сызрани, который в 1909 г. был выслан из Петербурга за участие в политических митингах. Николай Розалиев из села Могутово в окрестностях Самары (ныне Оренбургская область) еще в ремесленном училище присоединился к партии эсеров и стал организатором ее ячейки в Самаре. В 1906 г. он был сослан на поселение в Иркутскую губернию, откуда в 1910 г. бежал через Японию в Австралию. Иван Вагин, работая шахтером, активно участвовал в политической деятельности Союза русских эмигрантов и в 1915 г. был избран секретарем его отделения в Маунт-Моргане [15]. Часто наших эмигрантов гнали в армию голод и безработица – с началом войны им все труднее становилось получать работу. А у некоторых еще была и надежда – повидать мир, а когда война окончится, добраться до родины.

Николай Синдеев вступил в армию одним из первых, в августе 1914 г. С первым контингентом австралийских войск он прибыл в Египет, откуда писал своим австралийским друзьям: «Что бы ни случилось, вы можете быть уверенными, что австралийцы преумножат подвиги, которые уже совершили британцы, французы и русские на суше и на море» [29]. Этого оставалось недолго ждать – 25 апреля 1915 г. Синдеев в составе 3-го батальона принял участие в легендарной высадке в Галлиполи. Он продержался на Галлиполи более четырех месяцев. В сентябре при взрыве снаряда он был контужен и потерял слух.

Другим нашим героем Галлиполи стал Иван Волков, плотник-богатырь почти шести футов ростом, принятый в австралийскую

армию без натурализации. Два месяца спустя он отплыл на Галлиполи вместе с группой из семи соотечественников из северного Квинсленда, высадившись на Галлиполи с подкреплениями к 15-му батальону. Через несколько дней, 8 августа 1915 г., он был убит в бою за плацдарм Одинокой досны. Имя Ивана Волкова высечено на мемориальных панелях в Галлиполи и в Австралийском военном мемориале в Канберре, но больше о нем ничего не было известно и он, казалось бы, исчез без следа. Но, к счастью, наш электронный век, соединяющий людей и документы, позволил обнаружить новые сведения о русском анзаке. Удалось найти не только его портрет, но и описание его подвига. Чарльз Бин, автор многотомной «Официальной истории Австралии в войне 1914-1918 гг.», в очерке «Патруль» рассказывает «как военнослужащий из 4-ой Австралийской бригады пробирался, очевидно в одиночку, к холму, замыкающему лощину, на котором находились турецкие укрепления; двое турок пытались его подстрелить». Несколько часов спустя он был убит. «Пуля пробила ему голову, но в последние минуты перед концом он очевидно вспомнил, что у него нет жетона военнослужащего. ...В руке погибшего был зажат обрывок бумажки, на которой было написано русское имя, Славов или что-то вроде этого. ...Перед тем как сознание покинуло его, он успел достать это последнее свидетельство о себе» [7]. Поскольку «Славова» или другого военнослужащего со славянским именем, погибшего в этом бою, в австралийской армии не было, то есть основания считать, что это был Иван Волков.

Как ни старался Волков при вступлении в Австралийскую армию записать подробный адрес своего отца, Павла Поликарповича, австралийские военные после его смерти так и не смогли решить головоломку с его адресом и сообщить родным Волкова в России о его смерти. Адрес в послужном списке был записан следующим образом: «Weetsk, Pockesny, Erask, Sergensky, Small, Uhtunose» [13]. Только благодаря помощи библиографа из Вятской библиотеки эту запись удалось расшифровать как «Вятская губерния, Яранский уезд, Сердежская волость, починок Малый Юхтунур» [3]. Ныне этот маленький починок давно уже стерт с карты России, но память о Волкове, русском анзаке, павшем смертью храбрых на Галлиполи, остается с нами.

Служили на Галлиполи и другие уроженцы Поволжья – уже упомянутые Казаков и Розалиев, а также Николай Коротков из Самары, Иван Шохин (служивший под именем Джон Шуплаков) из деревни Турчаниново Кашинского уезда (ныне Тверская область), и Кондрат Шляпников, ставший в Австралии Конрадом Шлипенем, из Иваново-Вознесенска.

В конце 1915 г. австралийские войска были выведены с Галлиполи и переброшены на Западный фронт. Туда же шли из Австралии новые подкрепления. Здесь, под Позьером, во время августовских и сентябрьских боев 1916 г. сложили свои головы четверо волгарей – Шуплаков, переброшенный с Галлиполи, и новоприбывшие Иван Кабатов из Нижегородского уезда, Тихон Янин из Самары и его земляк Владимир

Горкун из Федоровки под Самарой. Австралийские сослуживцы описывали Горкуна как бывшего русского артиллериста, с усами «в русском стиле», загнутыми на концах, человека бывалого и знающего. В австралийской армии у него было несколько конфликтов с унтер-офицером в его подразделении, дело дошло до того, что он покинул часть, был пойман и предстал перед военно-полевым судом, однако его оставили на передовой, и через несколько дней, в сентябре 1916 г., он был убит в кровавой мясорубке у Мокет Фарм [12; 1]. Кондрат Шляпников, переброшенный на Западный фронт с Галлиполи, был тяжело ранен в боях на Сомме в ноябре 1916 г. и после нескольких месяцев в английских госпиталях отправлен в Австралию.

В составе подкреплений, прибывших на Западный фронт, были и трое друзей из Красного – Матренин, Силантьев и Волков. Газета «Известия Союза русских эмигрантов», выходявшая в Брисбене, сообщала, что когда началась война, отцы двоих из них – Матренина и Силантьева – посоветовали им не возвращаться домой, а то их заберут на войну. За такие письма отцов арестовали, в полиции жестоко избили и потом отдали под суд и посадили в тюрьму, требуя возвращения сыновей. Бедным ребятам ничего не оставалось, как вступить в австралийскую армию [17]. С 26-м батальоном они прибыли на Западный фронт в сентябре 1916 г. Через несколько недель они понесли первую потерю – Михаил Волков был убит в битве на Сомме в ноябре 1916 г. В феврале 1917 г. Николай Силантьев был тяжело ранен в правую руку и обе ноги и отправлен в Австралию. И наконец, в мае 1917 г. Григорий Матренин был тяжело ранен осколками снаряда – в правый глаз, в правую руку и в ноги. Он выжил, но ослеп и был отправлен на лечение в Англию.

Бои 1917 г. принесли новые потери. Среди погибших был Абдул Ганивахов. В августе 1916 г. он был ранен под Позьером, но остался на посту. Когда он вступал в армию, его родителей уже не было в живых, и военный чиновник, который помогал ему заполнить форму, Генри Николсон, стал его названным родственником. После войны Генри попытался выяснить, что стало с Ганиваховым и обнаружил, что он был убит во время наступления на немецкие укрепления в феврале 1917 г. В июне 1917 г. в бою под Мессиной Алексей Тупиков из села Перекопное под Саратовым был тяжело ранен в лицо, рот и горло; он выжил, но лицо у него навсегда осталось изуродованным. В сентябре был ранен в ногу Николай Тетол из Костромы. Николай Коротков, который после Галлиполи служил возчиком в бригаде полевой артиллерии, в октябре 1917 г. был ранен в бою за Пашендел, но вернулся в строй.

1918 год, четвертый год войны, тяжело сказался на армии в целом и на русских особенно. Андрей Егоров, прослуживший два года в полевой пекарне, покончил с собой в мае 1918 г.; обстоятельства его смерти так и остались невыясненными, но война здесь, несомненно, сыграла свою роль [19]. Среди раненых были Иван Павелкин, служивший сапером в 3-м туннельном взводе, который в июле 1918 г. был ранен в ногу, и Федор

Усов, возчик в пулеметном полку, который в августе 1918 г. во время наступления под Шюне был тяжело ранен в левую руку, обе ноги, голову и грудь. В том же месяце был ранен в правую руку и Николай Тупиков, старший брат Алексея.

Кроме будней войны положение русских осложнялось тем, что, когда в марте 1918 г. в результате Брестского мира Россия вышла из войны, командование стало относиться к ним с подозрением, и многие из них и сами больше не хотели воевать. Иван Вагин, раненый в руку в апреле 1918 г. в бою под Дернакуром, борец за права рабочих, сумел заставить военных выслушать их аргументы. Явившись к командованию 29 июля 1918 г., он заявил, что отказывается становиться в построение до тех пор, пока его заявление на увольнение из армии, поданное четыре месяца назад, не будет рассмотрено. «Заявления рядового солдата всегда застревают. Несмотря на правила, у него нет никаких прав», объяснял он позже военно-полевному суду, и тут не забывая защищать права простого человека. После отказа идти в строй его сразу же арестовали; предстал перед судом, он заявил: «Я вступил в австралийскую армию, потому что между правительствами моей страны и Британии был заключен договор, согласно которому я, как русский подданный, должен был записаться на действительную службу. Теперь, когда мое правительство больше не воюет, я хочу быть отчисленным из австралийской армии... Мой брат был убит на русском фронте, моя жена умерла в России, оставив ребенка с моими родителями; им уже за семьдесят и они сами нуждаются в помощи... Настоящее положение таково: я не могу им помогать, я не могу получить помощи ни от Австралии, ни от России, и я не могу уволиться из армии, чтобы помогать им самому» [9].

В результате этих протестов и подозрений в неполяльности по отношению к Британии несколько русских были уволены из армии «вследствие русской национальности» и отправлены в Австралию. Среди них были Николай Коротков, Иван Вагин, которого за его протест уже успели приговорить к шести месяцам тюремного заключения с тяжелым трудом, и Алексей Казаков. Казаков, как и Коротков, воевал еще на Галлиполи, где в августе 1915 г. он был ранен в битве за Холм 60. После поправки в Египте он был переведен в бригаду полевой артиллерии в качестве механика и продолжил службу на Западном фронте. Когда в мае 1918 г. его поставили на должность артиллериста, он отказался принять новые обязанности, заявив на суде: «Я знаю [английский] язык достаточно хорошо для того, чтобы быть механиком, но не артиллеристом». Но к этому времени военные дорожили каждым человеком, и доводы Казакова не были приняты во внимание. Он был приговорен военно-полевым судом к 35-дневному наказанию и вынужден продолжать службу артиллеристом [8].

К концу войны, к ноябрю 1918 г., из 25 уроженцев Поволжья, воевавших на фронте, в окопах оставалось только трое человек – пехотинец Иван Одлив из Нижнего Новгорода, Матвей Ломинога из Астрахани, служивший

водителем в транспортных подразделениях, и Петр Потер из Саратова, кавалерист и пулеметчик. Из них только Одлив не спешил закончить войну. Он был ранен в плечо в бою за Позьер в июле 1916 г., но поправился и оставался на передовой до конца войны, будучи не раз наказан за многочисленные самоволки. В 1919 г. он вступил в Британскую армию и служил в войсках, направленных для поддержки «белых» на севере России, под Архангельском.

Послевоенные судьбы наших героев сложились по-разному, часть из них покинула Австралию, часть влилась в молодую австралийскую нацию.

Григорий Матренин, израненный на фронте, был помещен в интернат для слепых солдат Сент-Данстон в Англии, где его обучали птицеводству и плетению корзин. Несколько лет спустя ему удалось установить связь со своими родными в Красном. В 1922 г., во время голода в Поволжье, родные писали ему: «У нас беда с хлебом, и мы едим все подряд – гнилую солому с крыш, зеленую крапиву, а некоторые едят даже портянки и мертвечину». Дети, Нюра и Миша, слезно просили его спасти их и вывезти к себе. Григорий сделал несколько безуспешных попыток получить разрешение на их выезд, но австралийские власти сочли нецелесообразным «привезти их в страну, где у них не будет друзей и языка которой они не знают» и ограничились выплатой им пенсии [14]. Оставшись в Англии один, Матренин покорила сердце англичанки Элис Баллард и, прожив с ней долгую жизнь, вырастил дочь, названную русским именем Вера. В 1938 г. Матренин был приглашен участвовать в открытии Австралийского военного мемориала в Виллер-Бретоннэ во Франции и удостоился чести поговорить с английским королем Георгом VI [22].

Его земляк, Николай Силантьев, поправился после тяжелых ранений, но остался на всю жизнь хромым. Вначале он получал небольшую пенсию и жил в Брисбене, но затем ему пришлось кочевать по всему Квинсленду в поисках заработка, рубить сахарный тростник на севере и строить железные дороги на юге. Очевидно, такая жизнь была ему не по силам, и в 1923 г. он отправился на родину. Добравшись до Красного, он встретил жену Михаила Волкова Прасковью, которая получала австралийскую пенсию, как вдова анзака. В 1936 г. он был арестован с обвинением в контрреволюционной деятельности; арестована была и Прасковья – очевидно подлинной причиной арестов была эта самая австралийская пенсия. В 1938 г. Силантьев был арестован во второй раз и выслан в Казахстан, где следы его теряются [16], но история Прасковьи сохранилась в австралийских архивных документах.

В 1942 г., в разгар тяжелых боев Советского Союза с гитлеровской Германией, Австралия и Советский Союз установили дипломатические отношения. В Россию из Австралии была отправлена дипломатическая миссия, которая в 1943 г. была открыта в Куйбышеве (Самаре), куда были переведены многие организации из Москвы. Вскоре после того, как миссия переехала в Москву, на ее пороге появилась необычная посетительница. Питер Хейдон, секретарь, сообщал австралийским

властям: «26 июня 1944 г. госпожа Прасковья Волкова посетила дипломатическую миссию, пройдя пешком большую часть пути от своего места жительства в Красном селе (Горьковская область) до Москвы, что составляет 300-400 километров. Ее крайняя нищета не вызывала никакого сомнения, она в достаточной мере идентифицировала себя посредством паспорта и справки из сельсовета. Она рассказала о том, как тяжело ей живется и как жестоко обращается с ней и с ее односельчанами председатель колхоза, который является там полновластным диктатором. Особенно плохо ей пришлось, когда ее сына забрали в Красную армию. Во время «чисток» (1937-38 гг.) она была заключена в тюрьму; по ее словам, причина была в том, что она получала иностранную пенсию, но теперь ее положение так тяжело, что она решила, что стоит рискнуть и попросить нас о возобновлении выплаты ей пенсии. В частности, поскольку она не трудоспособна, ей не разрешают покупать хлеб по государственному ценам. Если бы ей предоставляли это право, то на нашу пенсию она смогла бы прожить. Надеюсь ей помочь, наша миссия выдала ей свидетельство о том, что она получает пенсию австралийского правительства как вдова, чей муж погиб в Великой войне. Мы также включили в свидетельство просьбу о том, чтобы ей, если возможно, было предоставлено право покупать хлеб по государственным ценам. Мы достали для нее билет на поезд, на котором она сможет вернуться в свою деревню».

До «чисток» Прасковья Волкова получала пенсию через британского консула в Москве, но в 1937 г. контакт с ней прервался. Теперь австралийцы узнали причину. За это время невыплаченная ей пенсия составила несколько сот фунтов. Хейдон, принявший финансовые дела от британского консула, понимал, что другого случая выплатить ей прямо в руки причитающиеся деньги у них больше не будет. Не дожидаясь формальной резолюции из Лондона или Австралии, он принял решение незамедлительно выплатить ей всю пенсию из средств посольства, переведя ее в рубли. Единственным свидетельством этой транзакции, которое он мог предъявить своему начальству, был крестик, который «госпожа Волкова» поставила на платежной ведомости вместо подписи – она была неграмотна [10]. В течение последующих трех лет, до 1947 г., австралийская дипломатическая миссия высылала ей пенсию в деревню почтовым переводом, но поскольку вестей о себе она не подавала, австралийцы засомневались, что она получает переводимые ей деньги, и выплата пенсии была приостановлена. В 1947 г. Прасковья Волкова снова отправилась в дальний путь и еще раз побывала в гостях у австралийцев. На этот раз ее делом занимался Джон Р. Роулэнд, недавно назначенный секретарем, который договорился с Прасковьей, что получая деньги на почте, она будет ставить на квитанции три крестика – это будет служить условным знаком, что она действительно получила пенсию [11].

...Судьба совершает порой неожиданные повороты, и иногда в поле ее действия попадают и официальные лица. Мне не сразу открылось, что Роулэнд, молодой секретарь дипломатической миссии, был австралийским поэтом Дж. Р. Роулэндом. Кроме собственных стихов о России, он сделал блестящие переводы русских поэтов-шестидесятников, включая стихотворение Бориса Слуцкого «Когда русская проза пошла в лагерь», посвященное моему деду, писателю Артему Веселому, выросшему на Волге и погибшему в сталинских застенках. Раньше мне казалось удивительным, как сумел австралиец Роулэнд так глубоко проникнуть в русскую душу, но, возможно, его открытие настоящей России началось в том далеком 1947 г., когда на пороге его кабинета появилась Прасковья Волкова, простая крестьянка, вдова русского анзака.

Среди русских анзаков Силантьев был не единственным репатриантом. Политэмигрант эсер Николай Розалиев поспешил на родину сразу после Февральской революции; в 1920 г. он вступил в коммунистическую партию и стал советским государственным работником. Его последнее назначение было в торгпредство в Японии, где он скоропостижно скончался в 1932 г. Он похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Есть основания полагать, что в Россию вернулся и Николай Синдеев, пострадавший во время взрыва в Галлиполи, так как никаких сведений о его пребывании в Австралии после войны найти не удалось. Пытались вернуться на родину и несколько уроженцев Поволжья, которые вступили в австралийскую армию, но не попали на фронт; среди них Петр Антипанов, конторский служащий из Нижнего Новгорода, и Иван Елфимов, шахтер из Новотроицкого под Бугурусланом.

Русским анзакам, оставшимся в Австралии, непросто было найти себя и свое место в мирной жизни. Первыми, кто протянул им руку помощи и помог сделать Австралию своим домом, стали женщины, их подруги, невесты и жены. Они врачевали не только их физические раны, но и душевные, помогали им освоить английский язык и стать «своими» в австралийском обществе. Федор Усов познакомился с английской девушкой Марион, работавшей официанткой, во время стоянки его батальона в Англии. В начале 1918 г. он получил отпуск с фронта на пару недель, и они поженились, а полгода спустя его привезли с фронта тяжело израненного, и в феврале 1919 г. они вместе отправились в Австралию. В Англии нашел свою суженую, Викторю, и Петр Потер, также познакомившись с ней во время стоянки его батальона в Англии по пути на Западный фронт. В Австралию они отправились в 1920 г. уже с двумя детьми. Алексей Казаков после демобилизации жил в Квинсленде, работая механиком. Здесь он женился на австралийской девушке Анне и вырастил большую семью – шесть дочерей и четыре сына. Жена помогла вернуться к жизни и Ефиму Рогашову. В австралийскую армию он вступил в Калгурли, но на фронт не попал, так как перед отправкой в сиднейском пабе убил матроса во время пьяной драки, о которой он впоследствии ничего не помнил. Отсидев положенный срок, Рогашов

остался жить в Сиднее, взяв имя Роберт Кингс. В 1925 г. он женился на австралийке Кларе и вырастил семерых детей, работая сапожником.

Николай Тупиков, женившийся в 1919 г. на Александре Мюллер, из семьи саратовских немцев, к 1930 г. имел уже шестерых детей. В России и Тупиковы, и Мюллеры принадлежали к среднему слою, в Австралии же их положение резко изменилось. Александра, семья которой приехала перед войной, проучилась два года в австралийской школе. В своих воспоминаниях она пишет: «Я оставила школу, когда мне было 14 лет. Мне ничего не оставалось, как заниматься работой по найму. Отца очень огорчало, что его дочь должна работать служанкой, в то время как раньше у него всегда были слуги, работавшие для него». Николай тоже получил в России и в Китае хорошее образование, «но в Австралии его основным занятием стало кузнечное ремесло, это была единственная работа, которую он мог найти». После неудачной попытки фермерства они вынуждены были переселиться в Ипсвич, где Николай работал в железнодорожных мастерских (там работало много русских).

Дети Тупиковых рассказывают об их жизни в Ипсвиче, которая очень напоминает быт зажиточной русской крестьянской семьи: «Дом был окружен большим участком земли и имел три спальни и столовую, в задней части дома находилась кухня, а вдоль фасада шла веранда, потом ее застеклили, и там спали мальчики. Мы купили восемь коров и арендовали большой луг, находившийся за домом, на котором они паслись. Большой сарай на заднем дворе был разделен на прачечную с баней и мастерскую. Еще один сарай мы использовали для хранения сена для коров, и выделили участок под птичий двор. Позже птичий двор мы перенесли на выгон, там построили курятник для 100 птиц. Около дома разбили большой огород. Печь в доме была дровяной, и отец покупал бревна на участке под Ипсвичем, потом его друг привозил их нам на грузовике. Тут за работу брались мальчики. Бревна пилили, потом кололи на дрова и на лучину для растопки. Летом надо было запасти дрова на всю зиму. В наши обязанности входило кормить кур и собирать яйца. Сено для коров, которое привозили в снопах, надо было измельчать на ручной корморезке. Мальчики выполняли и другие работы: дважды в день они развозили молоко соседям, вешая бидоны на ручки велосипедов, собирали навоз для огорода и чистили птичники. Во время депрессии отец, как и другие, работал только пять дней в две недели и получал за эту работу всего 5 фунтов... В 1934 г. его брат Алекс поселился с нами, это уменьшило количество домашней работы, которую приходилось делать мальчикам» [5; 6].

Вторая мировая война, в которой Австралия и Россия снова стали союзниками, принесла новые испытания: Австралии грозило вторжение со стороны Японии, и наши ветераны готовы были снова защищать свой дом. Несмотря на возраст, в Добровольном корпусе обороны служил Николай Коротков, а Ефим Рогашов и Иван Вагин служили в гарнизонных батальонах. Подростки дети наших анзаков тоже вступали

в австралийскую армию и доблестно сражались за свою страну. Два сына Петра Потера вступили в Австралийскую армию, и старший Джон Виктор погиб в Ливии в 1941 г. Служили в армии и Леонард Тупиков, сын Николая, и три сына Матвея Ломиноги.

Несомненно, что дети наших анзаков росли австралийцами, и их отцам трудно было передать им русскую культуру, хотя элементы русской культуры у них сохранялись. Иван Павелкин, например, выступал на концертах для моряков, где он играл, как писали газеты, «гармонично и сладко» на «русском струнном инструменте» [24; 28]. Николай Тупиков вел библиотеку Союза русских рабочих. Матвей Ломинога в середине 1920-х гг., победив в соревновании по танцам, стал профессиональным танцором, возглавив школу танцев в Брисбене; впрочем, когда я разыскала его детей, они уверяли меня, что он был испанцем с фамилией Ломинго [4]. Хотя наши герои и не сохраняли свою русскую культуру в современном смысле этого слова, они не растворились бесследно в австралийском этносе. На их долю выпала иная миссия – возвести храм в душах окружавших их людей, открыть для австралийцев простые истины – что можно быть анзаком и говорить с акцентом, что можно быть русским, но не большевиком. Именно наследие русских анзаков стало тем фундаментом, на котором в 1960-х гг. выросло здание современного австралийского мультикультурализма. А внуки и правнуки их ныне пытаются восстановить утраченную, казалось бы навсегда, связь с землей их предков.

Истории анзаков из Поволжья являются частью большого просопографического проекта российских анзаков. При таком подходе историк стремится не выбирать из массы военнослужащих героические судьбы, а представлять всю кагорту во всем ее многообразии. Первая попытка такого исследования была представлена мной в книге «Российские анзаки в Австралийской истории» [21], создававшейся еще на заре интернетного инфомационного бума и вышедшей в 2005 г. В процессе работы над книгой стало очевидно, что вместить в нее все многообразие биографических сведений будет невозможно. Чтобы сохранить накопленный материал, был создан первый вебсайт «Russian Anzacs» с отдельной страницей, посвященной каждому анзаку, и ссылками на архивные источники информации о них (2004–2005 гг.). Уже этот ранний опыт показал, что подобный сайт является полезным инструментом поиска родственников анзаков, которые могут поделиться с автором материалами семейных архивов и в то же время получить от него неизвестные им документы из государственных архивов. Во время празднования столетия Первой мировой войны (2014–2018 гг.) сайт был полностью переработан и перенесен на новую платформу [25]. По мере обновления сайта обновлялась биографическая информация и источниковедческая база о каждом анзаке. Оцифровка документов, произошедшая в Австралии за последние 10 лет, поражает воображение. Если при работе над книгой в начале 2000-х гг. информация о большинстве

анзаков ограничивалась лишь сведениями в их служебных досье времен войны, то ныне электронные ресурсы позволяют проследить судьбу человека на протяжении всей его жизни в Австралии.

При вступлении в армию на каждого военнослужащего, в том числе и на наших анзаков, заводилось личное дело, содержащее детальные сведения о месте рождения, подданстве, ближайших родственниках, религиозной принадлежности. В этом же деле помещалась информация о служебных перемещениях и наградах, а иногда и запросы родственников. Ныне все эти дела оцифрованы и доступны для бесплатного использования на сайте Национального архива Австралии. Этот архив, кроме того, в настоящее время открывает доступ к досье департамента репатриации, которое позволяет проследить жизнь человека и после войны. Из других архивных документов можно отметить такой ценный источник, как дела военно-полевых судов, в документах которых личность россиянина, попавшего в переплет, часто раскрывается в полной мере. Интересны и досье Красного Креста с материалами опросов сослуживцев об их русских товарищах, пропавших без вести, или с письмами военнопленных россиян. Кроме того, для всех эмигрантов в архиве хранятся дела о военной регистрации или натурализации. В некоторых случаях они также попадали в орбиту интересов Австралийской службы безопасности, и копии с их писем сохранились, например в донесениях цензоров.

Новым источником, появившимся в последнее десятилетие, являются материалы австралийских газет. Это 20 миллионов оцифрованных и распознанных газетных страниц на сайте Национальной библиотеки Австралии [31]. События из жизни большинства жителей Австралии, в том числе и российских эмигрантов, постоянно находили отражение на страницах газет. Важным источником являются и материалы генеалогического характера, такие как записи о рождении, браке и смерти, переписи населения, пассажирские списки. Они также в значительной степени оцифрованы и представлены на генеалогических сайтах, таких как ancestry.com и myheritage.org. Нередко на этих сайтах можно найти и генеалогии анзаков и установить контакт с их родственниками. И, наконец, к столетию войны многие библиотеки Австралии оцифровали коллекции фотографий, хранившихся в их фондах, установив личности изображенных на них военнослужащих. Теперь с большой долей уверенности можно сказать, что если человек жил в Австралии столетие назад, его жизненный путь можно проследить сидя за компьютером, даже не выезжая в библиотеки и архивы. Национальная библиотека Австралии постоянно архивирует интернетные вебсайты, связанные с Австралией [30] и, в частности, вебсайт «Российские анзаки».

...Каждый день в Канберре на закате к могиле неизвестного солдата выходит волынщик в шотландском костюме, и к небу возносится печальная мелодия «Последнего поста» – вечернего сигнала, который теперь традиционно исполняют в память павших на поле боя. В шотландскую мелодию врываются тревожные крики белых какаду, которые взмывают

в небо с эвкалиптов, окружающих Австралийский военный мемориал. Белые какаду, как белые журавли над Волгой, кружатся в закатных лучах. Вечный огонь отражается в водоеме, а над ним – легкие арки галерей, на стенах которых среди тысяч имен британцев высечены имена наших волгарей: «Volkoff – Shuplakoff – Kabatoff – Yannin – Gorkoon – Wolkoff – Ganivahoff – Egoroff».

Теперь их истории возвращаются на их родину, в Россию.

Источники и литература

1. Австралийский военный мемориал = Australian War Memorial. 1DRL/428, wounded and missing. 4799 Pte William Danieloff Gorkoon.
2. Архив Елены Говор (АЕГ), Канберра, Австралия. Крейг Казаков (Craig Kazakoff) – Елене Говор, е-майл. 30.08.2001.
3. АЕГ. Е.В. Лобанова – Елене Говор, е-майл. 7.06.2002.
4. АЕГ. Интервью с Робертом Ломинга (Robert Lomina), 14.10.2001.
5. АЕГ. Tupicoff, Alexandra. A family history. 1985.
6. АЕГ. Nicholas Tupicoff [by his children].
7. Национальный архив Австралии = National Archives of Australia (NAA). A471. 5818.
8. NAA. A471. 7005.
9. NAA. A471. 15162.
10. NAA. A989. 1944/971/15.
11. NAA. A1066. IC45/58/1/1.
12. NAA. B2455. Gorkoon W D.
13. NAA. B2455. Volkoff John.
14. NAA, A2487. 1923/2252.
15. Вагин, И. Русская рабочая организация / Иван Вагин // Известия Союза русских эмигрантов. – Брисбен, 1916. – 6 янв. – С. 4.
16. Силантьев Николай Петрович [Электронный ресурс] // Книга памяти Нижегородской области. – URL: <http://base.memo.ru> (дата обращения: 20.06.2019).
17. Трофимов, Ф.С. [Корреспонденция] / Ф.С.Трофимов // Известия Союза русских эмигрантов. – 1915. – 27 мая. – С. 3.
18. Bean, C.E.W. The Patrol. Scouts in the Scrub / C.E.W. Bean // Argus, Melbourne. – 1915. – 20 December. – С. 7.
19. Etccl, P. The Egoroff mystery / P. Etccl // Journal of the Australian War Memorial. – 2003. – № 39.
20. Govor, E. Australia in the Russian Mirror: Changing Perceptions, 1770-1919 / Elena Govor. – Melbourne: MUP, 1996.
21. Govor, E. Russian Anzacs in Australian History / Elena Govor. – Sydney: UNSW Press & NAA, 2005.
22. The King and Australian St. Dunstaners // St. Dunstan's Review. – 1938. – September. – С. 2.
23. New dancing studio // Daily Mail, Brisbane. – 1926. – 9 May. – С.10.
24. Nile Street Seamen's Mission concert // Port Adelaide News. – 1922. – 8 September. – С. 5.
25. Russian Anzacs [Electronic resource]. – URL: <https://russiananzacs.net/> (дата обращения: 20.06.2019).

26. Russian Anzacs Lives on the Map [Electronic resource]. – URL: <https://russiananzacs.net/map/> (дата обращения: 20.06.2019).
27. Russian escapees // Northern Times, Camarvon. – 1911. – 15 April. – С.3.
28. Seamen's Mission Nile Street concert // Port Adelaide News. – 1923. – 2 February. – С. 2.
29. [Sindeeff, N.] A letter from the front / Nicholas Sindeeff // The Dubbo Liberal and Macquarie Advocate. – 1915. – 2 March. – С. 2.
30. Trove. Archived websites [Electronic resource]. – URL: <https://trove.nla.gov.au/website?q=> (дата обращения: 20.06.2019).
31. Trove. Digitised newspapers and more [Electronic resource]. – URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/> (дата обращения: 20.06.2019).

Кабытов П.С., Леонов М.М.¹

Городское социокультурное пространство пореформенной России в воспоминаниях и дневнике А.Д.Свербева

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка показать, как современники воспринимали городское пространство провинциальных городов Российской империи. Укажем в этой связи, что большой объем исторической информации можно обнаружить в дневниковых записях, воспоминаниях и других эго-документах, которые хранятся в личных фондах видных государственных деятелей второй половины XIX – начала XX в., отложившихся в центральных государственных архивах Российской Федерации.

Ключевые слова: городское пространство, воспоминания, повседневность, А.Д. Свербеев.

Kabytov P. S., Leonov M.M.

The urban sociocultural space of post-reform Russia in the memoirs and diary of A. D. Sverbeev

Abstract. In this article, an attempt is made to show how contemporaries perceived the urban space of the provincial cities of the Russian Empire. We point out in this connection that a large amount of historical information can be found in diary entries, memoirs and other ego documents that are stored in personal funds of prominent statesmen of the second half of XIX - and early XX centuries, deposited in the central state archives of the Russian Federation.

Keywords: urban space, memories, daily, A. D. Sverbeev.

Безусловно, для краеведов и историков, изучающих историю Самарского края и в том числе процессы трансформации городского пространства губернского города на рубеже XIX – XX вв., особую

¹ **Кабытов Петр Серафимович**, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева; **Леонов Михаил Михайлович**, доктор исторических наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, проректор по учебно-воспитательной работе Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Вохрышева М.Г. Медиаинформационная культура как универсальная компетенция нового века: пять главных проблем	5
Агошков А.В. Культура и модернизация: идеология «разумного эгоизма» и социокультурные институты будущего	9
Корецкая М.А. Власть знания: философ в роли наставника правителя	16
Домнина С.В. Интеллектуальный капитал в социально-культурной сфере: сущность, составляющие, особенности	25
 Раздел 1. КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЗНАНИЯ В СТРАТЕГИЯХ ПЕРЕМЕН: ПОЗНАВАЯ И МЕНЯЯ МИР ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ 	
Ионесов В.И. Музеефикация мира как область творчества	35
Голенков С.И. Культура знаний информационного общества: постановка проблемы	44
Борисов С.В. Как работать с незнанием, или терапевтический аспект философствования (из опыта работы)	48
Козятинский Р.С. Фон в фотографическом автопортрете как культурная реальность	52
Рыбаков С.К. Аскетизм как духовный опыт и культурная практика в дискурсе культурологического знания	57
Рыльская И.Г. Арт-технологии в мультикультурном образовании	64
Созданин А.В. Миф и нарративное пространство видеоигры	74
Уэбстер-Дойл Т. Предопределены ли мы для войны, или что делает наш мозг полем битвы?	79
Лойко А.И. Интенсивные точки роста знаний о культуре: Великий шелковый путь	83
Болотникова Е.Н. Знать себя VS Заботиться о себе	87
Сериков А.Е. Научное знание о жертвах и образ жертв в современных англоязычных средствах массовой коммуникации	90
Медведев В.А. Когнитивный мир как онто-гносеологическое образование	94
Просвиров А.М. Способы осмысления научного знания на основе анархистских трудов М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина	97

Раздел 2. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ В ЭПОХУ
ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОБЪЕДИНЯЯ
МИР ЧЕРЕЗ ЗНАНИЯ

Герасимов Б.Н. Переоценка ценностей в моделях управления изменениями	101
Ионесов В.И., Куруленко Э.А. Азиатские миротворческие стратегии в культурных практиках музейного проектирования	105
Ионесов А.И. К истории эсперанто-движения в Узбекистане: язык, объединяющий мир	115
Ким Е. Язык арт-аппликации в предметных трансформациях визуального искусства	125
Писипати Р.К. К вопросу о погребальной практике древнего населения южной Индии	130
Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Пушкарёва М.А. Знание как бытие свободы в меняющемся мире	136
Фоломеев С.Н., Куруленко Э.А. Предшественники западноевропейской социал-демократии о подходах к образованию в концепции общества будущего.....	140
Донских С.В. Традиция как фактор приумножения регионального культурного капитала	145
Газизов Р.Р. Знание в контексте возрастания творческих ресурсов информации.....	148
Мальшев В.Б. Метафизическая семантика явного и неявного знания в европейской культуре	152

Раздел 3. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРСЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Говор Е.В. Волгари-анзаки: из истории участия русской диаспоры Австралии в Первой мировой войне.....	157
Кабытов П.С., Леонов М.М. Городское социокультурное пространство пореформенной России в воспоминаниях и дневнике А.Д.Свербеева.....	171
Майорова А.С. Преобразование характера исторического знания в провинциальном культурном центре России с начала XIX в. до 1860-х гг. (по материалам Саратова).....	176
Шкердина Н.О. Трансформация духовной культуры и религиозного сознания российской провинции в конце XVIII – первой половине XIX вв. (на примере Мордовского края)	182

Четырина Н.А. Внутрисемейные отношения по документам ратуши Сергиевского посада (1782-1866)	186
Сумбурова Е.И., Жердева Ю.А. Свидетельства о Первой мировой: проблемы изучения женских эго-документов.....	192
Черкасова М.В. Реконструкция семейного архива и исследование семейной памяти (по материалам архивного фонда Ю.В. Буторовой).....	196
Карнишин В.Ю. Западноевропейские реалии в восприятии российских публицистов и путешественников (конец XIX – начало XX вв.)	199
Леонов М.И. Эсеры-террористы на политических процессах.....	205
Баринова Е.П. Дворянство в начале XX века: современные антропологические исследования.....	208
Кабытова Н.Н. Социокультурное пространство крестьянского «мира» в катаклизмах Гражданской войны (1918–1920 гг.).....	213
Смирнов Ю.Н. Вопрос о сословно-классовой парадигме отечественной истории в «Границах и маркерах социальной стратификации России XVII–XX вв.».....	218
Гордиенко Д.О. «Мое сердце принадлежит мне самой»: «бабье царство» раннего Нового времени в современном британском кинематографе («Две королевы» и «Фаворитка»).....	225
Кузнецов В.А. Из семьи самарских старообрядцев в академии по русской словесности (об академике АН СССР Павле Никитиче Сакулине).....	231
Пивцайкина О.А. Этнофутуризм как направление в современном изобразительном искусстве Мордовии	236
Рябов А.В. Подлесно-Тавлинская школа резьбы по дереву: традиции и инновации	239
Решетова А.А. Государственные программы развития информационного общества в России и подготовка специалистов в сфере документационного обеспечения управления	243
Ставропольский Ю.В. Новые формы университетского образования в Японии	246

Раздел 4. МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Матвеев М.Н. Трансформация политической культуры от февраля к октябрю 1917 года	250
Ерохин В.Н. Британская интеллектуальная культура и ее значение в современном мире	253

Бельцер А.А. Корона, духовенство и мировые судьи в Елизаветинской Англии	257
Сафронова А.М. Распространение медицинских знаний среди первых лекарских учеников на горнозаводском Урале в 1720–50-е гг.	264
Дубман Э.Л. Инженерная «команда» Закамской экспедиции первой половины 1730-х гг.	268
Киприянова Н.В. Отношение купечества к образованию в конце XVIII – первой половине XIX века (по материалам Владимирской губернии).....	274
Бирюкова А.Б. Книга и периодика как элементы социокультурной инфраструктуры городской провинции конца XVIII – середины XIX вв. (по материалам Среднего Поволжья и Заволжья).....	280
Калинина Е.А. Способы создания фондов библиотеки Олонецкой духовной семинарии в дореформенное время	287
Климкина Э.В. Подготовка Школьного устава 1828 г.: проекты неравнодушных подданных	294
Карнишина Н.Г. Реформа образования в контексте системных реформ второй половины XIX века в России: pro и contra	300
Кокарев М.С. Приходское церковно-общественное самоуправление в России на рубеже XIX–XX вв.	304
Артамонова Л.М. Воскресная женская школа как маркер модернизационных процессов в уездном городе конца XIX в.	311
Гусева Т.М. Духовные училища в истории и культуре провинции.....	318
Ляпина А.В. К вопросу о времени открытия Самарского епархиального женского училища	323
Кильдюшкина Т.И. Провинция и центр: диалог культур на рубеже XIX–XX вв.	327
Турганова О.В. Земская культурно-просветительская деятельность как попытка модернизации крестьянской жизни в конце XIX – начале XX веков (на примере Самарской губернии).....	330
Азаматова Г.Б. Женское начальное образование на Урале среди мусульман в начале XX века	335
Сулдына Л.В. Развитие документального кино Мордовии в советский период	339
Подмарицын А.Г. Заштатное духовенство РПЦ в Новое время (на примере Самарской епархии)	342

Чирков М.С. Особенности взаимоотношений власти и Русской православной церкви в Куйбышевской области (1953-1964 гг.).....	346
Щукин Д.С. Перестройка в печатной прессе Мордовии в начале 1990-х гг.....	352
Станков К.Н. Граф де Лозен и французское военное присутствие в Ирландии в ходе якобитского восстания 1689-1691 гг.....	355
Колпакова О.В. Пензенские архиереи о неканоническом поведении служителей приходских храмов в первой половине XIX в. и мерах по его преодолению и недопущению	361

Научное издание

**МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ:
знание как инструмент развития**

Материалы VII Международной научно-практической конференции
20-21 мая 2019 года

Часть I

Редакторы: Л.В. Кузьмина, В.В. Евдокимова, М.С.Миронова
Верстка – Н.А. Зимина

ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры»
443010, г. Самара, ул. Фрунзе, 167
www.smgaki.ru, e-mail: rio@smgaki.ru
тел.: (846) 333-22-05

Формат 64x80/16. Бумага офсетная. Печать цифровая
Объем 23,2 усл. п. л.
Тираж 300 экз. Подписано в печать 21.11.2019

Отпечатано в типографии ИП Никифоров М.В.
443122, г. Самара, ул. Гористая, 4
тел. (846)267-58-74